

Избачков Юрий Сергеевич, соискатель
Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение
«Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачёва»
Izbachkov Yuri Sergeevich

ДВОЙНАЯ МОРАЛЬ ЛИДЕРОВ ПАРАМАСОНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ DOUBLE STANDARDS OF PARAMASONIC ORGANIZATIONS

Аннотация. Двойные стандарты лидеров парамасонских организаций первой половине 1920-х годов характерны для всех аспектов их деятельности: от отношений между членами организаций до масонских символов, предметов, принципов, истории и ритуалов. Объяснения их поступков и взаимоотношений следует искать не в древних уставах и традициях, а в особенностях психологии конкретных лиц и их несовместимости

Abstract. For the leaders of paramasonic organizations in the first half of the 1920s, double standards were characteristic in relation to almost all areas of activity. Explanations of the relationship between members of organizations, to Masonic symbols, objects, principles, history, rituals, their actions should be sought not in ancient charters and traditions, but in the peculiarities of the psychology of pronounced accentuators and their incompatibility

Ключевые слова: Масоны, оккультная организация, ОГПУ, масонский меч, психология секты, эзотерический орден, Мёбес, Астров-Кириченко, эгрегор

Keywords: Freemasons, occult organization, OGPU, masonic sword, psychology of sectarians, esoteric order, Mebes, Astromov-Kirichenko, egregor

В первой половине 1920-х годов в Ленинграде существовало несколько заметных объединений оккультистов, которых можно отнести к парамасонским организациям: Великая ложа «Астрея» Б.В. Астров-Кириченко, «Орден мартинезистов» Г.О. Мёбеса и М.А. Нестеровой, «Эзотерический орден» А.Н. Семигановского-Диальти. Они не были масонскими ложами в строгом смысле, их не признавали зарубежные регулярные масонские ложи. У них не было преемственности при учреждении организаций, хотя сами они утверждали обратное. Это были оккультные кружки эзотерического направления, использующие масонскую символику и терминологию [5, с. 4].

Общества не были зарегистрированы в советских органах власти и формально были нелегальными. До середины 1920-х годов власти не обращали на них внимания, но затем оккультистов стали судить за мошенничество и совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения, которое переквалифицировалось на контрреволюционную деятельность.

В целом они строились по модели обычной секты с возможностью привлечения широкого круга потенциальных адептов. Это отличает их от оккультных организаций конца 1920–1930-х гг., которые можно охарактеризовать как небольшие замкнутые кружки.

Основные источники о деятельности этих тайных обществ – архивно-следственные дела их лидеров и активных участников, которое вело ОГПУ. Из этих дел видно, как непросто складывались отношения внутри парамасонских организаций. В материалах «дела ленинградских масонов»^[1] упомянуты многочисленные скандалы, связанные с исключением из организаций членов за аморальное поведение. Если исключенный был достаточно глубоко вовлечен в оккультную деятельность, то, как правило, он сразу организовывал свой собственный мистический кружок или начинал подыскивать единомышленников для нового эзотерического общества. Фактически, для образования в Петрограде очередного масонского общества было достаточно от одного до трех человек, ранее исключенных (в масонской традиции – «отправленных в отпуск») из другого общества.

Представляют интерес причины, почему участники покидали оккультные общества. Любопытно, что только один из свидетелей, проходивших по делу, назвал нехватку свободного времени как основание для прекращения посещений собраний общества. Основной же причиной служило разочарование. В эти общества шли из любопытства, интереса к мистике, за тайными знаниями и развитием своих оккультных способностей. Не находя искомого, многие быстро прекращали занятия.

Через самую большую организацию – орден мартинизистов (общество Г.О. Мёбеса и А.М. Нестеровой), которое дважды преобразовывалось, меняя название – по оценкам самих основателей и агента ОГПУ внутри организации прошло около 40 человек, не считая тех, кто случайно приходил на открытые лекции, или с кем проводились подготовительные беседы, но не получивших посвящения в организацию. Интересно, что ограничение в 40 человек встречается и в других тайных обществах [2] и обусловлено вместимостью квартир в старом жилом фонде Санкт-Петербурга: для проведения собраний обществ с большим числом участников без привлечения внимания властей требовалось несколько помещений, что влекло отпочкование дочерних обществ [3].

Среди тех, кто был тесно вовлечен в деятельность организаций (постоянно ходил на собрания, участвовал в ритуалах посвящения, телепатических опытах, жертвовал денежные средства и имущество, предоставлял свои помещения для проведения собраний) преобладало другое основание. Эти люди принимали правила игры (в данном случае имеется виду игра не как какое-то развлечение, а как концепция восприятия культуры некого сообщества [7]), многие впадали в прочную психологическую зависимость от лидеров организаций, вплоть по переезда к ним на квартиру и превращения в домашнюю прислугу. Они же выполняли поручения по сбору средств и оказанию давления на других участников.

Для них причиной оставления общества также было разочарование, но больше связанное с личностью лидеров, с которыми они вступали в тесное взаимодействие. При этом у лидеров и простых участников обществ претензии друг к другу существенно различались.

Простых участников возмущало несоответствие нравственных качеств, которыми в соответствии с масонской идеологией должен обладать масон (тем более масон высоких степеней посвящения), фактическому поведению их учителей.

В первую очередь это касалось денежного вопроса. Лидеры организаций не работали. Они жили на средства, которые получали от продажи собственного имущества, и денежные и продуктовые взносы, которые платили участники организаций, а также их подарки. Начало 1920-х годов в Советской России характеризовалось крайне тяжелой экономической ситуацией. Великий голод в Поволжье в 1921–1923 годах является только частью бедствия. В Петрограде, Москве и крупных городах снабжение было лучше, но население также испытывало трудности с продовольствием.

Декларировалось, что пожертвования учеников носят добровольный характер, что учитель не должен требовать от ученика платы, и что ученик должен сам решить сколько дать учителю сообразно его пониманию достигнутого результата в качестве благодарности. На деле получалось, что взносы являлись обязательными, а отношение к ученикам зависело от щедрости их пожертвований. Когда было необходимо собрать дополнительные средства (например, на лечение Г.О. Мёбеса в Крыму) в отношении платежеспособных учеников оказывалось прямое психологическое давление с целью получения денег посредством продажи драгоценностей и мебели. Тех, кто открыто возмущался денежными сборами, исключали из организации, а остальным запрещали общение с ними. Стоит отметить, что запрещение общения с бывшими членами организации – заурядная практика в деятельности деструктивных культов.

Лидеры организаций денежные пожертвования учеников воспринимали как естественную благодарность. Они не видели в этом ничего предосудительного.

Вторая очевидная причина разочарования – отсутствие чудес. Ученики близкого круга хотели увидеть нечто сверхъестественное. Однако опыты телепатии, магнетизма, гипноза, попытки подключения к эгрегору заканчивались неудачно. Разочарование переносилось на внешнюю атрибутику заседаний и ритуалов. Следующие эпитеты встречаются в протоколах допросов рядовых участников оккультных обществ: пустой балаган, позерство, комедии, тунеядцы, скрывающиеся за таинственностью.

Из показаний М.Н. Штейнберг: «Вообще, насколько мне сейчас кажется, вся эта балаганщина была приспособлена для того, чтобы возбудить к себе интерес, как к чему-то таинственному и чем-то занять публику. Надо сказать, что такой же театральностью отличались и ритуалы в О [rdo] M [artinesisti] S [trictae] O [boedientiae] Or [ientalis]. Там не было лишь облачений, и то лишь потому, что должны были бы дать лиловые плащи, шпаги и маски, но не было средств их сделать» [5, с. 120]. Штейнберг вместе с матерью находилась под влиянием лидеров организации Мёбеса и Нестеровой с 1919 по 1922 годы, из которых около года находились на положении слуг в их квартире.

Заявления лидеров организаций о том, что ученики еще не готовы воспринять настоящее тайное знание имели ограниченной эффект. По мере продвижения по степеням посвящения участники обществ все больше убеждались, что кроме постоянных призывов самосовершенствоваться в учении ничего нет. Из показаний свидетельницы О.Е. Ивановой-Нагорновой: «С некоторых пор младшие масоны стали замечать, что Астромов совершенно не подготовлен к роли руководителя, так как сам ничего не знает и на их вопросы отвечал: вам рано это знать» [3, с. 14].

Третья причина разочарования – половая распущенность лидеров. Сексуальные домогательства к женам других участников общества, сожительство с ученицами, эротические практики при лечении внушением, ложь относительно семейного положения учителей вызывали отторжение простых участников обществ.

Соединенные вместе, три причины разочарования складывались в формулу, что «учителя недостаточно чисты духовно». На допросе в ОГПУ М.Н. Штейнберг показала: «Ореол "оторванных от земной жизни Учителей" довольно быстро меркнет. Г.О.М [ёбес] представляется мне человеком крайне эгоистичным, требовательным, очень любящим сътно покушать до такой степени, что когда у него к обеду нет мяса или чего-нибудь вкусного, у него скверное настроение, и это отзывается на его работе» [5, с. 121].

Ответные претензии лидеров тайных обществ сводились к личным качествам учеников: неработоспособность, неуравновешенность, недостаточное старание, отсутствие хватки, нарушение дисциплины, включая эротические запреты и обсуждение денежных вопросов в отношении руководителей. Эти претензии при детальном рассмотрении имеют общий корень – безусловное послушание и преданность. Непослушание в вопросах контроля сексуальной активности (например, тайное сожительство учеников) или обсуждение размеров пожертвований эпилептоидными лидерами ленинградских парамасонских обществ воспринималось как утрата контроля, нарушение дисциплины и предательство.

Лидеры сами не соблюдали установленные ими правила. Двойные стандарты сильно раздражали младших масонов. Однако они терпели пока поддерживалась эта игра. Прикосновенность к чему-то таинственному, пусть и к симулятору, создавала иллюзию выхода из суровой реальности. Но это ощущение рушилось, когда брали верх обыденность и насилие (принуждение к взносам, нарушение сексуальных ограничений).

Двойные стандарты появлялись и в отношении материальных предметов, связанных с масонскими ритуалами. Показателен эпизод с хищением Астромовым-Кириченко масонского меча (шпаги) из личной коллекции Т.О. Соколовской [5, с.48]. 20.04.1924 в Обществе ревнителей истории была реконструкция обряда посвящения в степень ученика, на которой присутствовал Астромов-Кириченко. Ему крайне не понравилось как небрежно использовалась актерами

рукоять старого масонского меча. Он втайне забрал ее себе домой, однако вернул после того, как Соколовская дала письменные обещания не профанировать этот предмет масонского ритуала в дальнейшем [6]. Этот эпизод был упомянут в заключении по делу 1926 года, которое в итоге закончилось осуждением Астромова-Кириченко и других за контрреволюционную деятельность.

В настоящее время такое деяние не было квалифицировано как кража на основании примечания 1 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, так как в деянии отсутствует корыстная цель. Однако в Советской России в 1920-е годы действовало уголовное законодательство, допускавшее обратную силу уголовного закона, применение его по аналогии и совершении контрреволюционных преступлений даже с косвенным умыслом [4].

Его бывшая жена баронесса А.Н. Либен заявила, что Б.В. Астромов-Кириченко не отдавал ей часть вещей, так как с его слов «что прикоснулось к масонству, то мне свято и отдать не могу» [1, л. 298-298об].

Трепетное, неподдельное отношение Астромова-Кириченко к масонским документам и предметам мы видим в его заявлении на имя председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 28.04.1941. Будучи осужденным в рамках так называемого «дела Мракобесов» за антисоветскую агитацию и контрреволюционную деятельность к 8 годам ИТЛ, избежав смертной казни по обвинению в шпионаже, он просит передать масонские документы и предметы, приобщенные к делу в качестве вещественных доказательств в музей. Предметы из коллекции Б.В. Астромова-Кириченко хранятся в Государственном музее истории религии в Санкт-Петербурге.

На этих примерах видно, что для ленинградских парамасонов увлечение эзотерическими учениями было игрой, но игрой со своей серьезностью, которую в нее можно вложить. Они максимально вживались в свои роли.

В переписке 1923–1924 годов с уехавшим в США масоном Рудольфом Кюном [5, с. 195–199] имеется пример прямо противоположного отношения. В коллекции Б.В. Астромова-Кириченко хранился масонский диплом императора Павла I, который он предлагал через Кюна продать американским коллекционерам. При том, что этот диплом был очень важным звеном в цепи аргументов признания его масонской ложи со стороны иностранных масонских организаций.

Если исключить возможное мошенничество при продаже диплома, то этот эпизод демонстрирует фетишистское отношение этого человека к ценному предмету: с одной стороны, обожание, но в случае сильной денежной нужды такой бесценный артефакт можно продать.

Сочетание таких противоположных тенденций, в общем характерных для лидеров деструктивных культов, говорит об архетипичности их представлений о деятельности своих организаций. Учение об архетипах разработано швейцарским психоаналитиком Карлом Густавом Юнгом. См. Юнг, К.Г. Психология бессознательного, Отношения между Я и бессознательным и другие его работы. Архетипы – это сформированные в сознании представления и структуры их порождающие о сущностях, процессах и явлениях, которые человек может не осознавать, но которые оказывают существенное влияние на его мышление [8, 9].

Двойственное отношение ленинградских масонов характерно также к вопросам масонского братства и тайного характера их обществ.

Упоминавшаяся ранее М.В. Штейнберг показывала: «Сами учителя преподносили себя магами и сверхчеловеками, считали себя непогрешимыми. Авторитет создавался не столько непогрешимостью учителей, сколько иезуитскими подходами М.А. Нестеровой. Проповедовалось братство, а практиковалась система доносов и вытребований. Узнав что-нибудь об ученице, Нестерова призывала ее, пугала тем, что знает, о чем та думает, и предлагала ей чистосердечно во всем сознаться. На молодых учениц это производило впечатление, запугивало, создавая таким образом авторитет, и параллельно создавая и развивая мистику» [5, с. 83].

К участникам общества, которых лидеры заподозрили в болтливости, присыпались ученики, задача которых было выведать, насколько человек не сдержан на языке, а также что он говорит об учителях, насколько предан обществу. Слишком болтливых исключали. Это тоже элемент социальной игры.

Интерес представляет переписка Б.В. Астромова-Кириченко с С.В. Полисадовым, руководившим московской ложей «Гармония» (филиалом ложи «Астрея») [5, с. 200–218]. Наивно стремясь наладить отношения с советскими органами власти, они направили в ОГПУ доклад о деятельности советских масонов, предлагая в обмен на легализацию и признание масонских лож в СССР полный контроль органов госбезопасности за своей деятельностью и помочь в «перемагничивании русской интеллигенции» для нужд советской власти (доклад «О российском автономном масонстве») [5, с. 224]. Они же, каждый по отдельности, охотно согласились стать секретными сотрудниками ОГПУ.

Кажущаяся нелогичность поступков лидеров парамасонских организаций не является чем-то неожиданным, если смотреть на них с позиций двойной морали, которая проявляется во всех сферах деятельности этих организаций: отношении к младшим масонам, масонским идеалам и принципам, предметам и ритуалам, масонской символике и истории.

Объяснение сложных взаимоотношений, связанных с исключением отдельных лиц из организаций, часто следует искать не в древних масонских уставах, а в психологической несовместимости лиц истероидного и эпилептоидного типов личностной акцентуации.

В деятельности ленинградских парамасонов видны черты типичных деструктивных культов, понимание которых является необходимым условием успешного расследования дел о преступлениях, связанных с деятельностью таких организаций и сообществ.

Участники организаций, подвергшиеся исключению, как правило сами были глубоко погружены в деятельность организаций и сами являлись носителями двойной морали, характерной для этих организаций. Нет ничего удивительного, что после исключения они организовывали собственные ордена и кружки, с такой же культурой, как у предыдущих организаций.

Список литературы:

1. Архив Управления ФСБ России по Ленинградской области (АУФСБ по ЛО), № 12517.
2. АУФСБ по ЛО, № Д-9215.
3. Брачев, В.С. Масоны и власть в России / Виктор Брачев. – Москва: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. – 640 с. (Серия «История России. Современный взгляд»).
4. Из разъяснений Пленума Верхсуда СССР Верховным Судам Союзных Республик и Военным Трибуналам за 1926–1927 г.г. О прямом и косвенном умысле при контрреволюционном преступлении (2/1 – 1928 года) // Вестник Верховного Суда СССР и Прокуратуры Верхсуда СССР / Верховный Суд СССР; Прокуратура Верхсуда СССР. – М., 1928. – № 1 (10) февраль. – 50 с. – С. 36.
5. Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923–1941 гг. / Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А.Л. Никитина. – Москва: Минувшее, 2005. – 536 с.
6. Письмо Б.В. Астромова-Кириченко Т.О. Соколовской от 15.06.1924. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.442. Оп.1. Ед. хр.142.
7. Хейзинга, Й. Человек играющий = Homo ludens. Человек играющий [Текст]: опыт определения игрового элемента культуры / Йохан Хейзинга; сост., предисл. и пер. Д.В. Сильвестрова; коммент., указ. Д.Э. Харитоновича. – Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 409, [6] с.
8. Юнг, К.Г. Психология бессознательного / Карл Густав Юнг, Собрание сочинений. Психология бессознательного / Пер. с нем. – Москва: Канон 1994. – 320 с. – С. 23–172.
9. Юнг К.Г. Отношения между Я и бессознательным / Карл Густав Юнг, Собрание сочинений. Психология бессознательного / Пер. с нем. – Москва: Канон 1994. – 320 с. – С. 173–315

